

ПОСТКЕЙНСИАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИНСТИТУТЫ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКУЮ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

В статье рассматривается посткейнсианская теория институтов, согласно которой институты представляют собой способы снижения неопределенности. Эта теория институтов служит основой для теоретического объяснения макроэкономической нестабильности.

Ключевые слова: *посткейнсианство, неопределенность, институты, контракты, деньги, циклы, финансовая хрупкость.*

Постановка проблемы. Многими в научном мире (как российском, так и зарубежном) посткейнсианская теория воспринимается как одна из ветвей кейнсианского подхода к макроэкономическому анализу, в частности как школа, дающая особую трактовку роли совокупного спроса и специфическое обоснование дискреционной макроэкономической политики. В данной работе мы попытаемся показать, что посткейнсианская теория – нечто более фундаментальное. Это теория, которая вполне может стать жизнеспособной альтернативой доминирующей в экономической науке неоклассической парадигме. Важнейшая особенность посткейнсианского подхода заключается в том, что этот подход предлагает особую теорию институтов, из которой потом следует и специфическая посткейнсианская макроэкономика. *Институты рассматриваются как способ снижения неопределенности в сложной экономической системе.*

Согласно **последним исследованиям и публикациям**, ключевым понятием в посткейнсианской традиции является *неопределенность*, означающая, что мы не можем предсказать будущие результаты нашего выбора даже при помощи вероятностных распределений, поскольку у нас нет научной основы для вычисления соответствующих вероятностей [1; 2]. В этом плане неопределенность отличается от *риска*, при котором будущее *можно* описать при помощи вероятностных распределений, поскольку известны и количества исходов, и вероятности наступления каждого из них. Таким образом, посткейнсианцы выступают против подхода неоклассиков, согласно которому экономическая среда характеризуется *эргодичностью*. Этот термин означает, что в такой среде прошлое, настоящее и будущее могут быть описаны одной и той же функцией вероятностных распределений. По сути, время сводится к пространству, в том смысле, что возможны движения из одного состояния времени (места пространства) в другое в любых направлениях. Отсюда следует, в частности, что, во-первых, прошлое не сковывает людей тяжкими оковами необратимости. Во-вторых, люди могут предсказывать будущее, либо достоверно, либо используя методы теории вероятности.

Ясно, что для посткейнсианцев такой подход неприемлем. Они полагают, что будущее радикально отличается от настоящего и прошлого, а движение во времени возможно только в одном направлении. Иными словами, посткейнсианцы исходят из *принципа исторического времени*, согласно которому *прошлое необратимо, а будущее неопределенно*. Именно в историческом времени движется экономическая среда, характеризующаяся *неэргодичностью*, т. е. онтологическими различиями между прошлым, настоящим и будущим.

Таким образом, неопределенность – это характеристика неэргодичной экономической среды. Следует отметить, что не всякая экономическая система неэргодична и, соответственно, не всякая экономическая система характеризуется неопределенностью.

Целью статьи является анализ характеристик экономической системы, неотъемлемым свойством которой является неопределенность, а также обобщение посткейнсианских воззрений на природу институтов и макроэкономической нестабильности в такой системе, в которой основными институтами, снижающими неопределенность, являются контракты и деньги.

Неопределенность представляет собой проблему *сложной экономической системы*, «сложного общества». Под «сложностью» мы имеем в виду два аспекта. Во-первых, применение в производстве активов длительного пользования, вследствие чего производственная и во-

обще хозяйственная деятельность оказывается «растянутой» во времени. Во-вторых, высокую степень специализации людей и, соответственно, большую глубину разделения труда, вследствие чего люди оказываются тесно взаимосвязанными между собой. Именно совокупность этих двух свойств и представляет собой фундаментальную характеристику *сложной экономической системы*. Это основная идея данной статьи.

Крайне важен тот аспект, что *любая сложная экономическая система сталкивается с необходимостью координации хозяйственной деятельности в условиях необратимости прошлого и неопределенности будущего*. При этом такая проблема присуща *только* сложной системе. В хозяйстве, в котором степень разделения труда низка и каждый производит только для себя, *не существует неизбежной экономической взаимосвязанности между людьми, и проблемы координации вообще не возникает*. В хозяйстве, в котором производство не требует времени, но глубина разделения труда велика, проблема координации возникает, но решается приблизительно так, как описывается в вальрасианских моделях общего равновесия. Ведь в экономике без активов длительного пользования *хозяйственная деятельность не приобретает временного измерения и, соответственно, проблем необратимости прошлого и неопределенности будущего не существует*. Поэтому *нащупывание* [tatonnement] равновесного вектора относительных цен, удовлетворяющего всех агентов, не влечет за собой издержек (по крайней мере, таких, которые могли бы иметь место в реальной жизни современного мира).

Вот почему неоклассический подход является ограниченным. Его следует критиковать за непонимание фундаментальных различий между примитивными и сложными экономическими системами. Ведь, как уже было сказано выше, только в сложной системе возникает необходимость координации хозяйственной деятельности в условиях необратимости прошлого и неопределенности будущего. Данное обстоятельство требует фундаментального институционального выбора, определяющего, как люди решают проблему неопределенности. Здесь мы сталкиваемся с посткейнсианским подходом к сравнительному анализу экономических систем. По словам С. Руссиса: «То, как мы справляемся с неопределенностью [cope with uncertainty], определяет систему, при которой мы живем» [5, p. 17]. Иными словами, посткейнсианцев интересует то, как люди «справляются с неопределенностью» в сложных экономических системах. При этом различные «сложные общества» сформировали разные институты для того, чтобы «справляться с неопределенностью». Институты, сложившиеся на Западе, сформировали, согласно посткейнсианцам, *денежную экономику*.

Мы полагаем, что денежная экономика возникает вследствие конкретного институционального выбора, совершаемого тогда, когда экономическая система становится сложной. Иными словами, *денежная экономика – это продукт институционального развития сложной экономической системы*.

Важнейший институт денежной экономики – *форвардные контракты*. Контракты обеспечивают определенные гарантии, касающиеся будущих материальных и денежных потоков. Как отмечал С. Руссис: «Они [контракты] являются формой контроля над заработной платой и ценами, который конвертирует неопределенность в относительную определенность, не средством вероятностного анализа, ...но достигая во времени... гарантирования будущих цен и издержек» [5, p. 23]. Согласно Я. Кригелю, «... как природа не терпит пустоты, так и экономическая система не терпит неопределенности. Она реагирует на отсутствие информации, которую рынок не в состоянии обеспечить, созданием институтов, уменьшающих степень неопределенности: контрактов о заработной плате, контрактов на ссуды, соглашений о поставках, торговых соглашений» [3, p. 46].

Для того чтобы система форвардных контрактов функционировала бесперебойно, необходим другой институт – *деньги*. Деньги в посткейнсианской традиции понимаются как *средство соизмерения контрактных обязательств* и как *средство их выполнения*.

Еще один институт, без которого немислимо существование денежной экономики, – *государство как орган, выполняющий функцию защиты форвардных контрактов*. Главная функция государства, по мнению посткейнсианцев, состоит вовсе не в устранении негативных экстерналий, не в борьбе с монополиями и даже не в дискреционной макроэкономической политике, а в том, что оно обеспечивает принуждение к выполнению [enforcement] контрактных обязательств. Неспособность или нежелание государства выполнять эту функцию – *институ-*

циональная неадекватность государства – резко увеличивает степень неопределенности будущего и ставит под угрозу само существование денежной экономики.

Однако рассмотренные институты лишь уменьшают неопределенность, но не устраняют ее полностью. Эта неопределенность охватывает, прежде всего, денежные поступления производителей товаров и услуг. Данное обстоятельство и связанные с ним попытки хозяйствующих субъектов снизить степень неопределенности порождают серьезные проблемы, с которыми сталкивается денежная экономика и которые исследуются посткейнсианской традицией. Одной из важнейших проблем являются деловые циклы.

Циклические колебания экономической активности (то есть совокупного выпуска или реального национального дохода) порождаются, с их точки зрения, изменениями в «выборе активов длительного пользования» – главным образом элементов основного капитала и высоколиквидных активов (денег и их заменителей). При прочих равных условиях, увеличение спроса на капитальные блага (уменьшение спроса на деньги) приводит к подъему и буму в экономике, тогда как уменьшение спроса на них (увеличение спроса на деньги) вызывает спад и депрессию. Выбор активов длительного пользования определяется, прежде всего, ожиданиями будущих доходов и степенью уверенности в этих ожиданиях. Повышение степени оптимизма и/или уверенности приводит к увеличению ожидаемых доходов от производственных активов и снижению потребности в ликвидных активах. В экономике наступает стадия циклического оживления деловой активности. Противоположное воздействие оказывают распространение пессимистических настроений и/или неуверенность в будущем. При этом – и это еще одна важная идея этой статьи – в случае инфляции роль актива, привлекающего агентов в случае неуверенности или распространения пессимистических ожиданий, выполняют суррогатные средства накопления. К таким средствам относятся иностранная валюта, старый фонд недвижимости, антиквариат, драгоценности, предметы коллекционирования и т. д. В российской экономике 1990-х годов именно вложения в суррогатные средства накопления вытесняли инвестиции в основной капитал, результатом чего явился не только крупномасштабный спад производства, но и технологическая деградация российской экономики. Эта деградация не преодолена, увы, до сих пор.

Рассмотренные причины циклов дополняются аспектами, связанными с *финансовой хрупкостью*. Суть концепции финансовой хрупкости состоит в том, что «капиталистическая экономика порождает такую финансовую структуру, которая подвержена кризисам» [4, р. 13]. Экономическая динамика во многом определяется тем, как предпринимательский сектор финансирует свои инвестиции в условиях неопределенности. Автор этой концепции Х.Ф. Мински выделяет три режима финансирования: обеспеченное финансирование, спекулятивное финансирование и «Понци-финансирование». При *обеспеченном финансировании* текущие денежные поступления достаточны для регулярного погашения суммы долга и процентов по нему. При *спекулятивном финансировании* этих поступлений хватает только на уплату процентов, но их недостаточно для амортизации долга (то есть выплаты части основной суммы задолженности). Таким образом, для погашения своего долга предпринимательский сектор вынужден брать новые кредиты. Спекулятивное финансирование неизбежно, когда долгосрочные инвестиционные проекты финансируются за счет краткосрочных кредитов. *Понци-финансирование* характеризуется тем, что текущие денежные поступления не могут обеспечить даже выплату процентов. Это означает, что для периодического погашения кредитов предпринимательский сектор вынужден увеличивать свою задолженность.

В начальной фазе роста делового цикла в экономике преобладает обеспеченное финансирование. С дальнейшим оживлением деловой активности у хозяйствующих субъектов повышается степень уверенности в завтрашнем дне; происходит уменьшение *риска заемщика* (то есть несклонности фирмы брать в долг из-за опасения оказаться финансово несостоятельной) и *риска кредитора* (несклонности банка давать в долг ввиду того, что заемщик не сможет его погасить). В результате фирмы переходят на спекулятивное финансирование. Здесь нужно учесть, что рост процентных ставок неизбежно трансформирует спекулятивное финансирование в Понци-финансирование.

Подобный переход к более рискованным режимам финансирования (переход, связанный с ростом «побуждения к инвестированию», если говорить словами Дж.М. Кейнса) и процес-

сы эндогенизации денежной массы взаимодействуют друг с другом. Именно повышение спроса фирм на инвестиции обуславливает желание коммерческих банков избавиться от контроля центрального банка посредством финансовых инноваций, которые, как отмечалось выше, как раз и способствуют эндогенизации денег.

Однако переход к спекулятивному и особенно Понци-финансированию усиливает экономическую нестабильность и создает практически неотвратимую угрозу массовых банкротств, вызванных невозможностью погашения долгов. Дело в том, что рано или поздно фирмы, применяющие Понци-финансирование, окажутся не в состоянии получать новые кредиты для погашения прежних долговых обязательств либо из-за уменьшения степени уверенности банкиров, либо из-за общей нехватки финансовых ресурсов в экономике. Фирмы в подобных ситуациях вынуждены прибегать к реализации своих капитальных активов, что сопровождается падением цены спроса на капитальные блага, снижением объема инвестиций и приводит к экономическому кризису.

Результаты исследования. Таким образом, причина периодических экономических кризисов в денежной экономике состоит не только в том, что уменьшается степень уверенности хозяйствующих субъектов в завтрашнем дне (спрос на непроеизводственные ликвидные активы растет, а на производственные неликвидные активы – падает). Помимо этого, они обусловлены *систематически возникающей неспособностью предпринимательского сектора к погашению своих долгов перед финансовым сектором*. Вот почему «именно связь между финансами и инвестициями генерирует нестабильность современной капиталистической экономики» [6, p. 812].

Вышеизложенные идеи применимы также и для объяснения истоков мирового финансового кризиса конца 2000-х годов. Мы согласны с тем, что очень важную роль в разворачивании этого кризиса сыграли такие феномены, связанные с вышеописанным повышением степени финансовой хрупкости, как секьюритизация долгов и применение кредитно-дефолтных свопов [6].

Список использованной литературы

1. Dequech D. Asset Choice, Liquidity Preference and Rationality under Uncertainty / D. Dequech // *Journal of Economic Issues*. – 2000. – Vol. 34 (№ 1). – P. 159–176.
2. Dequech D. Fundamental Uncertainty and Ambiguity / D. Dequech // *Eastern Economic Journal*. – 2000. – Vol. 26 (№ 1). – P. 41–60.
3. Kregel J.A. Markets and Institutions as Features of a Capitalistic Production Process / J.A. Kregel // *Journal of Post Keynesian Economics*. – 1980. – Vol. 3 (№ 1). – P. 32–48.
4. Minsky H.P. Financial Instability Hypothesis: An Interpretation of Keynes and An Alternative to «Standard» Theory / H.P. Minsky // *Nebraska Journal of Economics and Business*. – 1977. – Vol. 16. – P. 5–16.
5. Rousseas S. Post Keynesian Monetary Economics / S. Rousseas. – London: Macmillan (3rd edition), 1998.
6. Wray L.R. The Rise and Fall of Money Manager Capitalism: A Minskian Approach / L.R. Wray // *Cambridge Journal of Economics*. – 2009. – Vol. 33 (№ 4). – P. 807–828.

У статті розглядається посткейнсіанська теорія інститутів, відповідно до якої інститути являють собою засоби зменшення невизначеності. Ця теорія інститутів є основою для теоретичного пояснення макроекономічної нестабільності.

Ключові слова: *посткейнсіанство, невизначеність, інститути, контракти, гроші, цикли, фінансова крихкість.*

The paper considers Post Keynesian theory of institutions, which are treated as means of reducing uncertainty. This theory is used as the basis for theoretical explanation of macroeconomic instability.

Key words: *Post Keynesianism, uncertainty, institutions, contracts, money, cycles, financial fragility.*

Надійшло до редакції 2.05.2012.